

## РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*М.Ю. УРНОВ***Россия: виртуальные и реальные политические перспективы\***

В российских политических, аналитических и научных публикациях и выступлениях будущее страны описывается, по преимуществу, в рамках *великодержавной парадигмы*. Между тем эта парадигма выводит обсуждение перспектив России в мир сугубо виртуальных реальностей. Анализ ресурсного потенциала страны свидетельствует о том, что в течение ближайших десятилетий Россия, скорее всего, утратит статус великой державы. Наилучшее из реально возможных будущих позиций страны в мировой системе – положение региональной державы, сохраняющейся в нынешних границах и достаточно комфортной для жизни своих граждан. Но такой вариант в российских прогнозах практически не обсуждается.

**Ключевые слова:** Россия, великая держава, ресурсы, жесткая сила, мягкая сила.

In the Russian political, analytical and scientific publications and presentations the future of the country is described mainly in the framework of the “great country” paradigm. Meanwhile, this paradigm displays the prospects of Russia in the world in purely virtual realities. Analysis of the resource potential of the country suggest that over the next decade, Russia is likely to lose its status of a great power. The best possible future of real country's position in the world system is that of a regional power remaining within the current borders and comfortable enough for the lives of its citizens. But this option in Russian forecasts is hardly discussed.

**Keywords:** Russia, a great power, resources, hard power, soft power.

---

\* Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ 2013.

---

*Урнов* – *Марк Юрьевич* – доктор политических наук, профессор, научный руководитель факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

“Сударыня, я, может быть, желал бы  
называться Эрнестом, а между тем  
принужден носить грубое имя Игната...”  
Ф. Достоевский

“Жил один рыжий человек, у которого  
не было волос, так что рыжим его называли  
условно”.

Д. Хармс

Для оценки статуса той или иной страны в мировой системе современная политическая наука и практика применяют шкалу со следующими позициями: “великая держава/ведущая держава (*major power*)”, “средняя/региональная держава”, “малая держава” и “страна с неопределенным статусом/формирующаяся страна (*emerging state*)” [Thies, 2011, p. 708–709; 2012, p. 33–34]. Иногда среди великих держав выделяются “сверхдержавы” [Organski, Kugler, 1980], иногда предлагается различать “частичных” и “полных” членов клуба великих держав: первые не вполне соответствуют данному статусу (обретают или теряют его), вторые полностью соответствуют представлениям о великой державе [Volgy... 2010].

Набор оценок, чаще всего встречаемый в российских политических, аналитических и научных публикациях и выступлениях, посвященных нынешнему и будущему положению нашей страны, иной. Условно его можно было бы назвать принадлежащим великодержавной парадигме. Позициями, общими с “международной” шкалой, в российском наборе являются “великая держава” (иногда заменяемая более скромным, но синонимичным словосочетанием “одна из ведущих держав”) и, в какой-то мере, “*failed state*” – некоторый аналог “*emerging state*”, применяемый при описании России, не состоявшейся в качестве великой державы. Другие оценки, альтернативные состоянию “великой державы”, лежат за пределами “международной” шкалы и представлены либо туманными образами и понятиями с ярко выраженной негативной эмоциональной окраской (катастрофа/трагедия – глобальная/региональная/национальная), либо разнообразными фигурами умолчания (указывающим на нечто такое, о чем не следует говорить). Но что в российском наборе оценок отсутствует вовсе – это позиции “средняя/региональная держава” и “малая держава”.

В наиболее драматической, а точнее трагической, форме альтернатива будущему России сформулирована классическими “великодержавниками” – А. Дугиным и А. Прохановым: величие vs катастрофа.

По словам Дугина, “если Россия не будет великой, ее не будет вообще. Величие – наша великоросская сущность... Без России мировая история немыслима. Тогда пусть кончается мир” [Дугин, 2001]. Проханов утверждает, что “Россия может выжить, лишь построив собственную империю. Альтернатива этому – катастрофа” [Проханов, 2008].

В рассуждениях не склонного к идеологическому трагизму Д. Тренина, альтернатива великой державе описывается в значительно менее эсхатологических терминах. Он обращает внимание на возможность увеличения отставания России, следствием чего может стать распад страны, превращение ее “в *failed state* середины XXI века” [Тренин, 2006, с. 211, 356].

Фигуры умолчания чаще всего встречаются в работах исследователей, которые, как и Тренин, не вполне уверены в том, что в обозримой перспективе Россия сможет приобрести статус великой державы. Так, автор одной из интереснейших книг о российской национальной идентичности С. Кортунов заменял тезис о невозможности достижения Россией статуса великой державы тезисом о возможности этого, но в принципиально иных – малореальных – условиях устройства мира и страны. Россия сможет стать великой державой, если только окажется в состоянии сыграть “роль одного из мировых лидеров человечества в духовной сфере – путем укрепления и развития своей уникальной национальной культуры, которая станет незаменимой частью”

формирующейся в мире “постэкономической” культуры [Кортунов, 2009, с. 552, 553, 554, 559].

Примерно в той же стилистике рассматривали перспективы российской великодержавности специалисты Института современного развития (ИНСОР). В докладе, названном “Россия: образ желаемого завтра” и посвященном условиям превращения России в великую державу XXI в., по поводу реалистичности достижения этого состояния говорится, что “для подлинно инновационного развития (а по большому счету, и для обеспечения самого инновационного старта) уже нужна другая страна – с другой системой ценностей и отношений, с другой политикой и социальной средой, с другой системой управления, с другим настроением в бизнесе” [Россия XXI... 2010, с. 20].

В. Иноземцев, обозначив проблематичность достижения Россией статуса великой державы, предпочитает заменить анализ этого вопроса обсуждением конфликта между политикой великодержавности и политикой модернизации страны и отмечает возможность ее “медленного упадка”. По его мнению, политика, ориентированная на создание “великой России”, препятствует модернизации, так как отвергает для России “игру на вторых ролях” в отношениях со странами-лидерами. Между тем “модернизирующая нация никак не может вести диалог с развитой страной на равных, независимо от того, сколько у нее имеется нефти и газа”. Результатом такой политики может стать “медленный упадок по мере исчерпания природных ресурсов или сокращения глобального спроса на них” [Иноземцев, 2009, с. 77, 50].

Наряду со взглядами, явно включающими или неявно предполагающими катастрофические или не вполне рационально определяемые, но очевидно негативные альтернативы российской великодержавности, в политической и интеллектуальной элите страны встречаются – и при этом куда чаще – безальтернативные воззрения, которые держат в фокусе только одну позицию – великая/ведущая держава.

Иногда инструментом “точечной” концентрации внимания оказывается нормативный модус описания будущего страны, не допускающий каких бы то ни было альтернатив. Г.Зюганов заявляет: “Мы должны дать клятву: идеалы социализма, справедливости, народовластия, за которые сражались Ленин и Сталин, мы обязательно возродим. Тогда Россия вновь станет великой и социалистической!” [Зюганов]. Гимн ЛДПР содержит такие слова: “...И врагу не сломить нашу волю. Мы от бездны Россию спасем! *Припев:* ЛДПР – могущество и сила! Наш закаленный дух непобедим. ЛДПР! Великая Россия, Мы никому тебя не отдадим!” [Гимн...]. А в Манифесте Единой России на выборах в Государственную думу 2003 г. говорится: “Мы утверждаем, что XXI век будет веком России... Через 15 лет, к 2017 году Россия будет ведущей мировой державой... весь мир будет с восхищением наблюдать развитие проснувшегося российского медведя” [Манифест...]. Не избегают похожей риторики и представители партий правого спектра. Так, М. Касьянов в своем докладе на партийном съезде утверждал: “Россия должна стать... империей свободы” [Касьянов, 2006].

В других случаях такая концентрация внимания обеспечивается уверенностью в том, что статус великой державы для России – неутраченный/уже достигнутый или вполне достижимый, хотя и требующий очень серьезных усилий.

Самая оптимистичная точка зрения тут принадлежит, по-видимому, А. Кокошину, который писал, что Россия “при всех очевидных слабостях своего современного положения... и по своим объективным показателям, и по реальным действиям в мировой политике *является великой державой* (курсив мой. – М.У.)”, добавляя, что для сохранения и закрепления этого статуса стране необходимо решить проблему “увеличения продолжительности жизни” и «создать современную экономику, основанную на использовании и развитии “человеческого капитала”» [Кокошин, 2002, с. 62, 63, 64].

С. Рогов говорит о необходимости достижения Россией статуса сверхдержавы в сфере науки. Сделанный им на заседании Президиума РАН (16 марта 2010 г.) доклад называется: “Россия должна стать научной сверхдержавой. Невостребованность науки как угроза национальной безопасности”. Фиксируя серьезное отставание нынешнего российского научного потенциала от научного потенциала развитых стран, он предла-

гает для преодоления этой ситуации увеличить к 2050 г. долю расходов на НИОКР до 4–5% ВВП, то есть до уровня, превышающего нынешние масштабы таких расходов в ведущих экономиках мира [Рогов, 2010].

Вспомним и высказывания ряда политиков. Так, по словам А. Чубайса, “Россия... может и должна всемерно наращивать и укреплять свои лидирующие позиции в (странах СНГ. – М.У.) в следующие 50 лет... Целью Российского государства должно стать построение либеральной империи” [Чубайс]. А М. Прохоров полагает, что «Россия вполне реально может превратиться в европейского экономического лидера, взяв некогда “единую” Европу фактически голыми руками» [Прохоров, 2013]. В Манифесте движения “Народный фронт за Россию” утверждается, что “великой стране нужны великие цели”, и предлагается “вернуть Россию в ряды лидеров мировой науки и образования”, а также “реализовать историческую миссию России как интеграционного центра евразийского пространства” [Манифест... 2013].

Наиболее осторожные высказывания в группе “точечного” внимания содержатся в официальных документах российской федеральной власти<sup>1</sup>. Начиная с 2006 г. термин “великая держава” в них не употребляется. Вместо него для оценки будущего положения России в мире используются менее обзывающие характеристики: “ведущая мировая держава XXI века”; страна, которая “занимает передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивает национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан”, входит “в пятерку стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта” [КДСЭР, 2020. Разделы I и V], является “одной из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы” [СНБ РФ, 2020. Раздел I], и т.п.

Причины, подтолкнувшие российскую власть к отказу от использования применительно к России термина “великая держава”, во многом кроются в многочисленных ресурсных проблемах страны. Позволю себе привести здесь краткий перечень проблем, упоминаемых в официальных документах, сгруппировав их по принадлежности к ресурсам жесткой и мягкой силы<sup>2</sup>.

К проблемам **ресурсного потенциала жесткой силы** относятся:

– *людские ресурсы*. Перспектива значительного сокращения численности населения трудоспособного возраста и увеличения групп старшего возраста [СНБ РФ, 2020, Раздел IV; Путин, 2012<sup>а</sup>, 2012<sup>б</sup>];

– *вооруженные силы*. Несоответствие “ресурсного обеспечения Вооруженных Сил и других войск задачам их строительства, развития и применения” [Военная... 2010. Раздел II], значительное отставание ОПК от наиболее развитых стран по уровню технологий и размерам инвестиций [КНБ, 2000, Раздел III];

– *сырьевые ресурсы*. “Наращение стратегического риска исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны” [СНБ РФ, 2020, Раздел IV];

– *экономика*. “Экспортно-сырьевая модель [КНБ, 2000, Раздел IV], не обеспечивающая развитие человеческого потенциала и необходимых темпов роста [Путин, 2012<sup>а</sup>], неразвитость транспортной, энергетической и водной инфраструктуры [КДСЭР, 2020; Раздел II; Путин, 2012<sup>б</sup>; 2012<sup>а</sup>].

**Проблемы ресурсного потенциала мягкой силы** можно определить как:

– *качество населения*. Низкая продолжительность жизни, плохое здоровье населения [СНБ РФ, 2020, Раздел IV; Путин, 2012<sup>б</sup>; 2012<sup>а</sup>]; утечка умов [КНБ, 2000, Раздел III]; дефицит квалифицированных кадров [КДСЭР, 2020, Раздел I; Путин, 2012<sup>б</sup>]; “неконкурентность элит” [Путин, 2012<sup>а</sup>];

<sup>1</sup> Под таковыми здесь имеются в виду опубликованные в 1997–2013 гг.: Концепции внешней политики РФ, Концепция национальной безопасности РФ, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., Военная доктрина РФ, Государственная программа “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”, а также выступления и статьи В. Путина и Д. Медведева.

<sup>2</sup> Используемая здесь группировка ресурсов составлена на основе [Nye, 2008; 2011; Waltz, 1979; Morgenthau, 1948/1993]; The Anholt-GfK...; McClory, 2011].

– *коррупция*. Системная коррупция [Путин, 2012<sup>б</sup>; 2012<sup>в</sup>; 2012<sup>с</sup>], борьба с которой имеет не только правовой, но и политический характер [КНБ, 2000, Раздел III], “результаты противодействия коррупции не соответствуют ее масштабам” [Государственная... 2013];

– *бизнес*. Высокие риски ведения предпринимательской деятельности, низкая корпоративная культура; слабые самоорганизация и саморегулирование бизнеса, низкий уровень конкуренции на ряде рынков [КДСЭР, 2020, Раздел II; Путин, 2012<sup>в</sup>], большинство интегрированных структур не являются “ни глобально конкурентоспособными, ни высококапитализированными, ни даже устойчиво прибыльными” [Путин, 2012<sup>в</sup>];

– *инновации*. Низкая инновационная активность, отставание развития передовых технологий, производства наукоемкой продукции и продукции высокой степени переработки [КНБ, 2000, Раздел III; СНБ РФ, 2020, Раздел IV; КДСЭР, 2020, Путин, 2012<sup>в</sup>], недостаточная координация образования, науки и бизнеса [КДСЭР, 2020, Раздел II];

– *социальное и региональное неравенство*. Глубокое социальное расслоение общества [КНБ 2000, Раздел III; Путин, 2012<sup>а</sup>], высокий уровень региональной дифференциации [КДСЭР, 2020, Раздел II];

– *качество образования*. Устаревшие программы и методы работы средней школы, школа перестает выполнять функцию социального лифта, начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию [Путин, 2012<sup>с</sup>]; неконкурентоспособность высшей школы [Путин, 2012<sup>в</sup>], низкий престиж и качество высшего образования [Путин, 2012<sup>а</sup>];

– *качество государственного управления*. Низкая эффективность государственного управления, низкий уровень доверия государству [КДСЭР, 2020, Раздел II; Путин, 2012<sup>в</sup>], “карательный уклон в судебной системе” [Путин, 2012<sup>г</sup>]; слабость институтов демократии, на полноценное становление которых потребуется несколько десятилетий [Медведев, 2013];

– *иностранные инвестиции*. “Мы проигрываем странам-конкурентам по инвестиционной привлекательности. Мы имеем значительный отток капитала из России... Деловой климат в стране, ее привлекательность для долгосрочного помещения капиталов все еще являются неудовлетворительными” [Путин, 2012<sup>в</sup>];

– *экология*. Ухудшение экологической ситуации в стране [КНБ, 2000, Раздел III; Медведев, 2008<sup>а</sup>; Путин, 2011]; неразвитость экологического законодательства [КНБ, 2000, Раздел III; Медведев, 2008<sup>а</sup>].

Набор официально признаваемых проблем ресурсного потенциала, говоря политкорректно, вселяет некоторые сомнения в возможностях страны стать в обозримой перспективе одной из ведущих мировых держав. Ниже излагаются факты, подкрепляющие эти сомнения. Но прежде, чем перейти к их рассмотрению, сделаю ряд уточнений относительно используемых в работе ключевых понятий, эмпирических данных и отобранных для анализа проблем ресурсного потенциала России.

Положение “ведущей мировой державой XXI в.” будет здесь пониматься как положение страны, имеющей возможность устойчиво и направленно влиять на набор ключевых характеристик мировой системы в области безопасности, политики, экономики, культуры, экологии и т.д.

Говоря о ресурсном потенциале страны, следует иметь в виду, что те или иные ресурсы *per se* автоматически ресурсным потенциалом не становятся. Представление о потенциале возникает как результат сопоставления данного ресурса с соответствующим ресурсом других стран по заданному критерию сопоставления. В нашем случае такой критерий – возможность обеспечить стране положение ведущей мировой державы (положения члена клуба *major powers*).

Требование сопоставимости данных при анализе потенциала страны определило выбор источников фактической информации. Приоритет был отдан международным базам данных: статистике ООН, ОЭСР, Всемирного банка; социологическим ресурсам European Social Survey (ESS) и World Values Survey (WVS). Российские источники по большей части играли вспомогательную роль.

Наконец, несколько слов о рассматриваемых проблемах ресурсного потенциала России. Из множества существующих проблем мной были выбраны лишь шесть, показавшихся наиболее острыми. Эти проблемы удовлетворяют одновременно двум требованиям: 1) их наличие решающим образом снижает возможность страны обеспечить себе ведущее положение в мировой системе; 2) они не имеют позитивных решений в перспективе до середины нынешнего века (более отдаленная временная перспектива представляется мне избыточно туманной и потому малопригодной для прогнозирования).

## Проблемы потенциала жесткой силы

**Сокращение численности населения.** В официальных документах российской федеральной власти главной демографической проблемой – судя по частоте упоминаний – считается перспектива значительного сокращения численности населения трудоспособного возраста и увеличения групп старшего возраста [СНБ РФ, 2020, Раздел IV; Путин, 2012<sup>а</sup>, 2012<sup>с</sup>], или, другими словами, рост демографической нагрузки из-за старения населения. Этот процесс и в самом деле нельзя отнести к позитивным. Однако следует иметь в виду, что, согласно прогнозам ООН, в ближайшие десятилетия положение в России в этом отношении будет складываться лучше, чем в США, Западной Европе и Китае. Так, если в 2010 г. коэффициенты демографической нагрузки (для возрастной когорты от 65 лет и старше) равнялись: в России 18%, в Китае – 11%, в США – 19% и в Западной Европе – 28%, то в 2050 г. соответствующие показатели будут равны 24, 39, 36 и 50% [UN WPP].

Что касается перспективы уменьшения общей численности населения, то, как ни странно, об этой проблеме ни в одном из опубликованных на сегодняшний день официальных документов, так или иначе затрагивающих проблему человеческих ресурсов страны, не говорится ни слова. Между тем, согласно большинству серьезных демографических прогнозов, население России в ближайшие 40 лет будет сокращаться (см. табл.).

Таблица

**Прогнозные оценки численности населения России** (млн чел.)

| Годы | Низкий прогноз |            | Медианный прогноз |            |              | Высокий прогноз |            |
|------|----------------|------------|-------------------|------------|--------------|-----------------|------------|
|      | ООН            | Росстат    | ООН               | Росстат    | ИДЕМ НИУ–ВШЭ | ООН             | Росстат    |
| 2010 |                |            |                   |            |              |                 |            |
| 2025 | 132            | 137        | 137               | 143        | 138          | 142             | 149        |
| 2030 | 126            | 131        | 134               | 142        | нет данных   | 141             | 151        |
| 2050 | 103            | нет данных | 121               | нет данных | 131          | 141             | нет данных |

Источники: [UN WPP; Росстат ДП; Население... 2008].

Единственная из приведенных в таблице прогнозных оценок, показывающих некоторый рост населения страны, – высокий прогноз Росстата. Однако вероятность его реализации, мягко говоря, невелика. Необходимыми условиями такого роста являются 1) резкое снижение естественной убыли населения (в течение 2012–2030 гг. общая величина естественного сокращения населения по этому варианту прогноза предполагается равной всего 62 тыс. против 7,7 млн по медианному прогнозу и 16,2 млн по низкому прогнозу) и 2) значительное увеличение притока мигрантов (8,5 млн против 6,3 млн по медианному и 4 млн по низкому прогнозу) [Росстат ДП].

Оптимизм высокого прогноза в отношении *снижения естественной убыли населения* основывается на далеких от реальности нормативных установках государственной “Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года”, опублико-

ванной в 2007 г. и требовавшей к 2025 г. по сравнению с 2006 г. увеличить суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 1,5 раза (то есть с 1,305 до 1,95), а также снизить уровень смертности в 1,6 раза [КДП РФ 2025]. Неосуществимость такого прироста СКР обусловлена, прежде всего, отсутствием возможностей в обозримой перспективе перекрыть влияние низких репродуктивных установок россиян и неблагоприятных сдвигов в возрастной структуре населения. Репродуктивные установки относятся к устойчивым элементам повседневной культуры и существенно изменяются либо медленно (как результат поколенных изменений), либо под воздействием мощных социальных шоков, таких, например, как война. Между тем репродуктивные установки, преобладающие сегодня в российском обществе, расширенного производства населения обеспечить не могут. Исследования [Молодежь... 2007, с. 136], Репродуктивное... 2013, с. 162; Образ... 2013] демонстрируют стабильность “идеальных” оценок числа детей, желаемого российскими женщинами в возрасте до 30 лет. В среднем по стране эти оценки в упомянутых исследованиях составляли 2,2–2,3 ребенка, то есть лишь незначительно превышали уровень, теоретически необходимый для простого воспроизводства населения (2,1 ребенок).

“Реалистические” установки, отражающие учет женщинами “реальных жизненных обстоятельств”, согласно данным Института социологии РАН, оказались ниже уровня, необходимого для предотвращения снижения численности населения, и в среднем по стране составили 1,8 ребенка. Долгосрочная тенденция изменений репродуктивных установок в России, скорее всего, является понижательной: в опросе Фонда “Общественное мнение” (ФОМ) популярность мнения, что в “идеальной семье” не должно быть больше двух детей, устойчиво нарастала с уменьшением возраста респондентов и составляла: в возрастной когорте 60 лет и старше – 50%, в когорте 60–46 лет – 55%, 45–31 год – 60%, 30–18 лет – 64% [Образ... 2013]. Рассчитывать, что в такой ситуации суммарный коэффициент рождаемости в ближайшие 10–15 лет будет заметно возрастать, вряд ли имеет смысл.

Неблагоприятные сдвиги в возрастной структуре населения кратко описать невозможно. К счастью, детальный анализ этой проблемы, проведенный А. Вишневским, позволяя просто сослаться на его работу и привести из нее пару коротких цитат о том, что в настоящее время в России “естественная убыль населения сопровождается невыгодными структурными изменениями” и что под влиянием структурного фактора “даже если ... показатель суммарной рождаемости повысится до 1,95 в 2025 г. и до 2,0 в 2030 г., годовое число рождений едва ли достигнет 1,8 млн на пике 2012–2016 гг., а затем начнет снижаться” [Вишневский, 2010, с. 12, 27].

О проблемах *снижения уровня смертности* речь пойдет в разделе, посвященном здоровью населения. Здесь же отмечу лишь, что несмотря на беспрецедентный рост затрат на здравоохранение в 2000–2012 гг., соответствующего такому росту снижения уровня смертности добиться не удалось и в ближайшей перспективе, судя по всему, не удастся. Что касается усиления притока мигрантов, то наблюдаемый сейчас в российских элитах и общественном мнении резкий и, скорее всего, устойчивый подъем антиэмигрантских настроений, делает его крайне маловероятным.

Приведенные прогнозные оценки численности населения страны означают, что в 2010–2050 гг. (независимо от того, какой из прогнозов – низкий, медианный или высокий – будет реализован) Россия по этому показателю перейдет с 9-го места в мире на 14–15-е, а доля россиян в общей численности населения мира снизится с 2 до 1,2–1,3% [UN WPP]<sup>3</sup>.

Речь идет, таким образом, об устойчивом уменьшении одного из важнейших компонентов потенциала жесткой силы страны. Проблема усугубляется не менее устойчивым снижением и без того крайне низкой плотности населения, особенно в

<sup>3</sup> Замечу, что в 1897 г. территория нынешней РФ по численности населения находилась на 3-м месте в мире, уступая лишь Китаю и Британской Индии, и что на ней проживало 5,2–5,6% человечества [Галецкий].

Сибири и на Дальнем Востоке. По данным Росстата, в 2002–2010 гг. в среднем по стране плотность населения снизилась с 8,5 до 8,4 человек на кв. км. При этом в Сибирском Федеральном округе она сократилась с 3,9 до 3,7 человек на кв. км, а в Дальневосточном – с 1,1 до 1,0 человек на кв. км. Единственным федеральным округом, где рассматриваемый показатель в этот период увеличился, был Центральный округ (с 58,4 до 59,1 человек на кв. км) [Россия... 2010, с. 15–16] – ситуация, отражающая, как утверждают демографы, устойчивую тенденцию перемещения населения в европейскую часть страны (подробнее см. [Вишневский, 2010]). В 2050 г., согласно прогнозам ООН, средняя по России плотность населения составит 7 человек на кв. км<sup>4</sup>. Демографическую ситуацию в азиатской части страны, и особенно на Дальнем Востоке, такая динамика плотности населения, мягко говоря, не упрощает. Если же называть вещи своими именами, то в ближайшие 40 лет наиболее вероятным демографическим сценарием в этих регионах представляется постепенная депопуляция<sup>5</sup>.

Для любой страны депопуляция части ее территории – процесс нежелательный. Для России депопуляция Сибири и Дальнего Востока не просто нежелательна, но крайне опасна, ибо несет угрозу территориальной целостности страны. Главный фактор, порождающий эту опасность – общая граница с Китаем. На эту опасность обращают внимание целый ряд российских военных экспертов и китаеведов. Так, в докладе Института политического и военного анализа говорится об геополитической угрозе России, обусловленной соседством “экономически депрессивных Сибири и Дальнего Востока с их гигантскими природными ресурсами и небольшим, причем продолжающим сокращаться, населением и Китая с его огромным населением и быстро развивающейся экономикой, испытывающей все более острую нехватку ресурсов”. Индикаторами этой угрозы авторы доклада называют “слабо завуалированные претензии Китая на 1,5 млн кв. км российской территории на Дальнем Востоке” в сочетании с концепцией “стратегических границ и жизненного пространства”, по которой строятся Вооруженные силы Китая, и нарастающим демографическим давлением китайского населения на восточные районы России [Шаравин, 2003, с. 13].

Один из лучших российских китаеведов В. Гельбрас так описывал стратегию территориальной экспансии Китая: “...в наши руки попал один из китайских планов, рассматривавшийся на политбюро ЦК КПК в качестве важной идеи... План состоял в том, чтобы через Амурскую область организовать вселение китайцев по всей территории России и таким образом, держа в своих руках товарную массу, сосредотачивая ее в своих руках в узловых пунктах Транссиба вплоть до Москвы, излучать свое влияние. Иркутск китайцам был важен тем, что одновременно связывал движение товаров и людей из Казахстана и на Алтай, с охватом Бурятии... Сейчас ясно, что есть и второй схожий план о внедрении через Хэйхэ – на Благовещенск и Сюйфэнхэ – в Амурскую область и дальше. Хэйхэ и Сюйфэнхэ – это крупные населенные пункты. План предполагает потоки и мигрантов, и товаров”. “Китай добивается скорейшего превращения ШОС в единое интегрированное экономическое пространство. Для Китая ШОС – один из методов экономического отвоевывания тех пространств, которые, как Китай считает, ему принадлежали и раньше. То есть все вплоть до Балхаша... Утвердиться на Дальнем Востоке – во всем Приморском крае, на Сахалине: китайцы считают это своей территорией. А также и Казахстан, и Киргизию” [Гельбрас, 2005<sup>a</sup>; 2005<sup>b</sup>].

Некоторое представление о демографическом потенциале экспансии Китая на российскую территорию дают прогнозные оценки динамики численности и плотности населения этой страны. Согласно экспертам ООН, в 2050 г. население Китая по медианному прогнозу составит 1,39 млрд человек (в 2010 г. – 1,36 млрд) и превысит население России в 11,5 раз – в настоящее время – 9,5 раз; плотность населения Китая в середине

<sup>4</sup> Медианный прогноз: минимум равен 6, а максимум – 8 человек на кв. км [UN WPP].

<sup>5</sup> Об интенсивности депопуляции нашего Дальнего Востока в какой-то мере можно судить по следующим цифрам: январе–сентябре 2013 г. из Приморья в другие регионы России уехали около 21 тыс. человек (на 15% больше, чем в 2012 г.). Между тем по программе переселения за последние 7 лет в Приморье приехали только 3,5 тыс. соотечественников [Никольская, 2014, с. 15].



XXI в. будет равна 144 человекам на кв. км по сравнению с 142 человеками на кв. км в 2010, то есть выше плотности населения России в 21 раз против 17 раз в 2010 г.

Президент Института стратегических оценок А. Коновалов однажды назвал положение, сложившееся на российско-китайской границе, “ситуацией котла, разделенного мембраной”: “В одной половине котла откачивается вакуум, а в другой накачивается давление. Как это прорвет и когда? Зависит от качества мембраны, но прорвет совершенно очевидно” [Коновалов, 2004, с. 11]. Я полагаю, что при существующих темпах сокращения численности коренного населения России и роста на нашем Дальнем Востоке китайской диаспоры, при нынешних темпах укрепления китайской экономики и военной машины, обострение российско-китайских отношений по территориальным вопросам вполне вероятно в ближайшие 15 лет. Такая перспектива накладывает серьезные обременения на все остальные ключевые компоненты ресурсного потенциала России и прежде всего на наш военный потенциал.

**Снижение военного потенциала.** Говорить об этом правомерно лишь относительно установки на обретение Россией позиции одной из ведущих мировых держав. С точки зрения защищенности страны от массивированной военной агрессии сколь угодно серьезных проблем в настоящее время и в перспективе у нас не просматривается. Россия обладает и в ближайшие десятилетия будет обладать одним из самых мощных ядерных потенциалов мира, что минимизирует для нее угрозу широкомасштабной агрессии извне. Вместе с тем ядерный щит – ни необходимое, ни, тем более, достаточное условие полноценного членства страны в “высшей лиге” мирового сообщества. Не является он и средством эффективной защиты от агрессии со стороны международных сетевых террористических структур. В современных условиях ядерное оружие само по себе представляет собой инструмент не экспансии (политической, экономической, идеологической или моральной), а сдерживания; не изменений, а сохранения *status quo*. Причем инструмент этот со всей очевидностью относится к средствам не “повседневного” использования, а к тем, которые в прямом смысле являются воплощением формулы *ultima ratio regum*.

Что касается остальных параметров российского военного потенциала, то здесь проблема несоответствия ресурсов и политических предпочтений оказывается весьма серьезной. Речь идет, в первую очередь, о нарастающем технологическом разрыве между Россией и ведущими странами мира. В 2012 г. Путин говорил, что “очень многие предприятия (Оборонно-промышленного комплекса – ОПК. – М.У.) еще технологически в прошлом веке находятся”, что “за последние 30 лет по ряду причин – и прежде всего из-за хронического недофинансирования – отечественный ОПК пропустил несколько циклов модернизации” и что необходимо “наверстывать упущенное” [Путин, 2012\*]. Вопрос, разумеется, состоит не просто в технологическом отставании производственных мощностей ОПК, а в том, что на технологически отсталом оборудовании затруднительно производить высокотехнологическое вооружение.

Отсутствие специальных знаний и соответствующей информации лишает меня возможности сравнивать технологические характеристики военных потенциалов России и других стран. Остановлюсь поэтому лишь на сопоставлении оборонных расходов России и других держав, то есть на показателе, демонстрирующем не столько нынешнее соотношение военных потенциалов, сколько долгосрочные тенденции его изменения. Но прежде чем перейти к сравнению количественных данных, имея в виду сугубую деликатность обсуждаемой темы, позволю себе еще раз процитировать В. Путина: “...вложения в оборону (наиболее развитых стран. – М.У.), просто несопоставимы даже с тем, что мы делаем, – в десятки раз больше”; эти страны “направляют многомиллиардные средства на разработку оборонительных и наступательных систем следующих поколений” [Путин, 2008].

Теперь цифры. По оценкам одного из самых авторитетных в мире исследовательских центров проблем безопасности Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), в 2012 г. военные расходы России составили 90,7 млрд долл., то есть были в 1,8 раз ниже военных расходов КНР (166 млрд долл.), в 2,6 раз ниже суммарных

военных расходов 8 крупнейших стран членов НАТО за исключением США (222 млрд долл.)<sup>6</sup> и в 7,5 раза ниже расходов США (682 млрд долл.). При этом доля военных расходов в ВВП у России и США была самой высокой в мире и равнялась 4,4%, тогда как у всех остальных перечисленных стран находилась в пределах 1,3–2,5% (в Китае – 2%) [SIPRI, 2013]. Правда, согласно официальным российским данным, удельный вес расходов на оборону в ВВП страны был и будет ниже: в 2012 и 2013 гг. он составлял 3,1%, а к 2016 должен возрасти до 3,9% [Чернявский, 2012; Основные... 2014].

Однако это общей картины не меняет. И в том и в другом случае Россия по удельному весу оборонных расходов в ВВП заметно опережает европейские страны НАТО и Китай, то есть так или иначе находится у опасной черты, за которой эти расходы начинают обескровливать гражданскую экономику. Принимая во внимание низкие прогнозные темпы роста экономики России в среднесрочной перспективе (см. [Наш... 2013<sup>a</sup>; Наш... 2013<sup>b</sup>]), рассчитывать, что наши расходы на оборону в обозримом будущем в абсолютном выражении смогут сравняться хотя бы с Китаем, невозможно. Каким образом тогда можно обеспечить технологический паритет в военной области с крупнейшими мировыми центрами силы, неясно. Вероятность того, что в борьбе за такой паритет Россия пойдет на милитаризацию экономики, близка к нулю (если, конечно, история СССР нас хоть чему-нибудь научила). Но это означает, что в ближайшие несколько десятилетий конкурентоспособность вооруженных сил России по сравнению с другими центрами мировой политической системы с высокой вероятностью будет снижаться. Соответственно будет снижаться и военно-политическое влияние страны в мире.

Из сказанного никоим образом не следует, что нет необходимости в модернизации и совершенствовании наших вооруженных сил. Описанная выше проблема российско-китайского соседства и неописанная, но существующая и постоянно обостряющаяся, проблема соседства России со странами – источниками радикального исламизма, диктуют потребность в вооруженных силах, обеспечивающих национальную безопасность. Однако обеспечение безопасности страны и места для нее среди ведущих военных держав мира – цели принципиально разные. Первая вполне достижима. Вторая, судя по всему, иллюзорна. Первая дает возможность найти более или менее адекватное соотношение между военными и гражданскими расходами государства. Вторая такую возможность исключает, позволяя разного рода группам интересов эксплуатировать иллюзию будущего военного величия для перераспределения в свою пользу бюджетных средств. Один из популярнейших способов легитимации такого перераспределения – незатейливая формула: “Если мы являемся/хотим быть великой державой, то средства должны направляться в...”. Вряд ли стоит специально доказывать, что осуществляемое подобным образом распределение ресурсов далеко от оптимального.

#### ***Ослабление политической значимости обладания энергетическими ресурсами.***

С момента образования ОПЕК в 1973 г. обладание уникальными по масштабам запасами углеводородного сырья давало России несомненные конкурентные преимущества, обеспечивая не только огромные доходы от экспорта, но мощное внешнеполитическое влияние. Однако в перспективе ближайших 20–30 лет политическая составляющая этих преимуществ значительно ослабеет. И дело не только, да и не столько в отмечаемой официальными документами опасности истощения российских природных запасов энергоносителей [СНБ РФ, 2020, Раздел IV], сколько в появлении технологий, которые делают возможным промышленное освоение трудноизвлекаемых запасов нефти и сланцевого газа, широкое производство биотоплива и других “альтернативных” источников энергии. В сочетании с развитием энергосберегающих технологий это неизбежно ослабляет экономические и политические позиции России и других стран-экспортеров традиционных энергоносителей. Индикатор описываемой тенденции – ситуация в США, которые в 2005–2011 гг. сократили свою зависимость от им-

---

<sup>6</sup> Великобритания – 60, 8 млрд долл., Франция – 58,9 млрд долл., Германия – 45,8 млрд долл., Италия – 34,0 млрд долл., Канада – 22,5 млрд долл., Турция – 18,2 млрд долл.

порта жидкого топлива с 60 до 45%, и к 2035 г. имеют шансы стать нетто-экспортером нефти (превращение США в нетто-экспортера природного газа относится экспертами к 2020 году) [АЕО, 2013, р. 2–3]<sup>7</sup>.

Предполагаемый в ближайшие десятилетия рост потребления и импорта энергосистел Китая в значительной мере облегчит наши финансовые проблемы. Однако политического веса российским нефтегазовым ресурсам не только не добавит, но с большой вероятностью уменьшит, поскольку усилит нашу экономическую зависимость от “Поднебесной”.

*(Окончание следует)*

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Военная доктрина РФ 2010 ([http://www.kremlin.ru/ref\\_notes/461](http://www.kremlin.ru/ref_notes/461)).

Вишневатский А. Сбережение населения или депопуляция России? М., 2010 (<https://www.hse.ru/data/2010/04/07/1218105168/vishnevski.pdf>).

Галецкий В. Демографическая история России за сто лет (<http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/00fe7213-0c41-7ee6-44cc-a60c8e2a01fe/1011521A.htm>).

Гельбрас В. Окраина Китая // Новая газета. 2005<sup>6</sup>. 11 июля.

Гельбрас В. Скитайцы // Новая газета. 2005<sup>а</sup>. 4 июля.

Государственная программа РФ “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности” (<http://mvd.ru/documents/gosprogram/Gosprogramma>).

Дугин А. Россия может быть или великой или никакой // Русская вещь. Очерки национальной философии. М., 2001.

Гимн ЛДПР ([http://ldpr.ru/events/videos/The\\_new\\_national\\_anthem\\_of\\_LDPR/](http://ldpr.ru/events/videos/The_new_national_anthem_of_LDPR/)) (<http://ldpr.guazan.ru/partiya/gimn-ldpr/>).

Зюганов Г. Россия вновь будет великой и социалистической! (Выступление на праздничном вечере в Москве, посвященном 130-й годовщине со дня рождения И. Сталина) ([http://kprf.ru/rus\\_soc/74222.html](http://kprf.ru/rus_soc/74222.html)).

Иноземцев В. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Вып. 1. М., 2009.

Касьянов М. Доклад на съезде НДС 1 июля 2006 ([http://www.kasyanov.ru/index.html?layer\\_id=100&nav\\_id=18id=249&](http://www.kasyanov.ru/index.html?layer_id=100&nav_id=18id=249&)).

КДП РФ 2025 – Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года (<http://demoscope.ru/weekly/known/konceptiya/konceptiya25.html>).

КДСЭР 2020 – Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (<http://government.ru/gov/priorities/26/>).

КНБ 1997 – Концепция национальной безопасности РФ 1997 (<http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.html>).

КНБ 2000 – Концепция национальной безопасности РФ 2000 (<http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.html>).

Кокошин А. Россия в мире. Россия – сверхдержава, великая или региональная держава? // Международная жизнь. 2002. № 9–10.

Коновалов А. Выступление // “Человеческий ресурс и конкурентоспособность России в XXI веке”. Совместное заседание Клуба “Открытый форум” и Ассоциации менеджеров России. Москва, июнь 2004.

Кортунов С. Национальная идентичность: постижение смысла. М., 2009.

Манифест движения “Народный Фронт за Россию” (<http://onf.ru/structure/documents/manifest/>) (<http://www.rg.ru/2013/06/12/manifest-onf-anons.html>).

Манифест партии Единая Россия на выборах в Государственную думу РФ 2003 (<http://newsland.com/news/detail/id/463345/>).

Медведев Д. Выступление на Совете безопасности РФ по вопросу обеспечения экологической безопасности России 30.01.2008<sup>а</sup> (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/01/158674.shtml>).

---

<sup>7</sup> По словам Б. Обамы, в 2013 г. США впервые за последние 20 лет произвели больше нефти, чем импортировали, и вышли на первое место в мире по добыче природного газа и по производству энергии из возобновляемых источников [Obama, 2014].

Медведев Д. Интервью европейским СМИ 21 марта 2013 (<http://premier.gov.ru/news/item/23432/>).

Медведев Д. Послание Президента Федеральному Собранию. 05.11.2008<sup>6</sup> (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml>).

Молодежь новой России. Образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. ИС РАН (в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ) М., 2007

Население России 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2008 ([http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns\\_r06/acrobat/nr2006.pdf](http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r06/acrobat/nr2006.pdf)).

Наш экономический прогноз: ускорение без перестройки. Mission Impossible! – Институт “Центр развития” НИУ–ВШЭ, 2013<sup>а</sup>. 21 марта. ([http://www.hse.ru/data/2013/03/22/1295281609/NER\\_2012-Q4\\_present.pdf](http://www.hse.ru/data/2013/03/22/1295281609/NER_2012-Q4_present.pdf)).

Наш экономический прогноз: выйти из “Осажденной крепости”!/? – Институт “Центр развития” НИУ–ВШЭ. 2013<sup>б</sup>. 10 октября. ([http://www.hse.ru/data/2013/10/11/1281281125/NER\\_2013-Q3\\_present.pdf](http://www.hse.ru/data/2013/10/11/1281281125/NER_2013-Q3_present.pdf)).

Никольская П. “Мы никого не заставляем возвращаться” // Коммерсантъ-Власть. 2014. № 4.

Образ идеальной семьи 2013 (<http://fom.ru/Rabota-i-dom/11024>).

Основные направления бюджетной политики РФ на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 гг. (<http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=348499-6>).

Проханов А. России нужно расти, иначе сожрут // Аргументы и факты. 2008. 29 октября.

Прохоров М. Правила игры // Коммерсантъ. 2013. 18 марта.

Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета “О стратегии развития России до 2020 года”. 2008. 8 февраля (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>).

Путин В. Выступление на расширенном заседании Совета Безопасности. 2012<sup>ж</sup>. 31 августа (<http://news.kremlin.ru/news/16328/print>).

Путин В. Выступление на совещании по улучшению экологической обстановки в РФ. 2011 30 марта (<http://ria.ru/danger/20110330/359305287.html#ixzz2VWM5kGmd>).

Путин В. // Ведомости (от редакции “ОПК по Сталину”). 2012<sup>з</sup>. 3 сентября ([http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/303091/opk\\_po\\_stalinu](http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/303091/opk_po_stalinu)).

Путин В. Гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012<sup>д</sup>. 20 февраля (<http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>).

Путин В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012<sup>е</sup>. 6 февраля (<http://www.kommersant.ru/doc/1866753>).

Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. 2012<sup>в</sup>. 30 января ([http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o\\_nashih\\_ekonomicheskikh\\_zadachah](http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah)).

Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012<sup>и</sup>. 12 декабря (<http://www.kremlin.ru/transcripts/17118>).

Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012<sup>б</sup>. 23 января ([http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1\\_national.html](http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html)).

Путин В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012<sup>а</sup>. 17 января (<http://www.izvestia.ru/news/511884>).

Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда, 2012<sup>а</sup>. 13 февраля (<http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>).

Репродуктивное здоровье населения России 2011. Итоговый отчет – Росстат; Минздрав РФ; ЮНФПА; DRH/CDC. Атланта (США); Информационно-издательский центр “Статистика России”. 2013. Май (<http://www.slideshare.net/Evlampieva4life/2011-24568132>).

Рогов С. Россия должна стать научной сверхдержавой. Невостребованность науки как угроза национальной безопасности. Доклад на заседании Президиума РАН 16 марта 2010 / ([www.iskran.ru/docs/tables.doc](http://www.iskran.ru/docs/tables.doc)).

Россия XXI века: образ желаемого завтра. Библиотека Института современного развития. М., 2010 ([http://rosglobal.polpred.com/upload/pdf/Obraz\\_gel\\_zavtra.pdf](http://rosglobal.polpred.com/upload/pdf/Obraz_gel_zavtra.pdf)).

Росстат ДП – Изменение численности населения по вариантам прогноза [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#) ([http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/demo/progn1.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm))

СНБ РФ 2020 – Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 (<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>).

Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как “новый Запад”. Моск. Центр Карнеги. М., 2006 ([http://www.eurocollege.ru/filesserver/files/integr-identity\\_RF-zapad.pdf](http://www.eurocollege.ru/filesserver/files/integr-identity_RF-zapad.pdf)).

Чернявский А. Правительство: задание на лето. Мониторинг – Новый КГБ № 22 Экспертный сайт Высшей школы экономики (2012) (<http://ores.ru/1408382.html>).

Чубайс А. Россия как либеральная империя. Русский Архипелаг (Сетевой проект “Русского мира”) (<http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia/?version=forprint>).

Шаравин А. (руководитель авторского коллектива) Оборонные тезисы. М., 2003 (<http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=547569>).

AEO – Annual Energy Outlook 2013 With Projections to 2040. April 2013. – Washington (DC): US Dept. of Energy (<http://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383%282013%29.pdf>).

The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index (<http://www.nzte.govt.nz/en/news-and-media/features/the-anholt-gfk-roper-2012-nation-brands-index-report/>).

McClory J. The New Persuaders II A 2011 Global Ranking of Soft Power. – UK: Institute for Government. 2011 (<http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii>).

Morgenthau H. Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace. Revised by K.W. Thompson. Breif ed. (1948/1993).

Nye J. Power and Foreign Policy // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4. № 1.

Nye J. Power to Lead: Soft, Hard, and Smart. Cary (NC)–Oxford, 2008.

Obama B. Weekly address. January 18, 2014 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/01/17/weekly-address-making-2014-year-action-expand-opportunities-middle-class>).

Organski A., Kugler J. The War Ledger. Chicago, 1980.

SIPRI Trends in World Military Expenditure, 2012. SIPRI Fact Sheet. April 2013 (<http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>).

Thies C. A Social Psychological Approach to Enduring Rivalries // Political Psychology. 2011. Vol. 22. № 4 (<http://92.242.59.41:2072/doi/10.1111/0162-895X.00259/pdf>).

Thies C. International Socialization Processes vs. Israeli National Role Conceptions: Can Role Theory Integrate IR Theory and Foreign Policy Analysis? // Foreign Policy Analysis. 2012. Vol. 8. Issue 1 (<http://92.242.59.41:2072/doi/10.1111/j.1743-8594.2011.00170.x/pdf>).

Volgy T., Baird, R., Grant, K., Corbetta, R. So Who Belongs in the Club? Major Powers and Status Inconsistency in International Politics. Conference Papers. International Studies Association. 2010 Annual Meeting.

Waltz K. Theory of International Politics. Reading (MA)–Menlo Park (CA)–London–Amsterdam–Don Mills (Ontario)–Sydney, 1979.

UN WPP – United Nations World Population Prospects ([http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel\\_population.htm](http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm)).

© М. Урнов, 2014